

Лок Эдуард

14.05.03

фестиваль Газета-2003 14 мая с. 15

две беременности, один трансвестит и сто минут счастья

ОЛЬГА ГЕРДТ

Спектакль одного из столпов contemporary art — хореографа, видеодизайнера, режиссера **Эдуарда Лока** — показали в Вильнюсе на фестивале New Baltic Dance. С «Амелией», созданной в 2002 году, компания Лока La La Humans Steps объехала весь мир.

Накануне открытия фестиваля в Вильнюсе 49-летний канадец Эдуард Лок стал лауреатом премии Bepois de la Danse — за постановку в Парижской опере балета AndreAuria. Поскольку за премией в Большой театр Лок не явился, московской публике так и не удалось познакомиться с живым гением, создателем, как писали в берлинской Tagesspiel, «абсолютно нового хореографического языка». Зато повезло вильнюсцам, заполнившим зал Национальной оперы.

И первых трех минут хватило, чтобы испытать эстетический шок и понять, что на язы-

щин точны и безупречны, как биороботы. При этом пластически свободны и совершенны, как животные. Говорящие на своем особом языке, они частят руками, выламывая кисти, локти, плечевые суставы с бешеной частотой и скоростью, напоминая то ли кузнециков, то ли быстро-быстро умывающихся мух. Мужчины в свободных деловых костюмах, как пауки лапками, прилипают руками к талиям попадающих в их сети девушек-мушек, частящих руками и кромсающих воздух бьющейся ногой. Мушки и не пытаются вырваться, вступая со своим захватчиком в диалог — то нежный, то стервозный, то отчаянный. Эта настоящая на классических вращениях, на чистой-шей пуантной технике дуэль затихает, но не прекращается никогда.

На сцену то и дело опускаются металлические ажурные декорации, секущие пространство на отсеки, — вы словно заглядываете в еще одну, какую-нибудь удаленную ячейку или комнату виртуального мира. С колосников периодически спускается оп-

Танцовщицы лидера альтернативной танцевальной культуры Эдуарда Лока стоят на пуантах так крепко, как «классикам» и не снилось

ке Эдуарда Лока и впрямь не говорит никто. Что сам хореограф чуть ли не единственный, кто не следует ни за одним из общепризнанных гуров — ни за Форсайтом, ни за Каннингемом, ни за Килианом. Явление уникальное, если учесть, что contemporary dance, как миксер, перемалывает все значительные языки, вырабатывает в лучшем случае новое наречие. На манер того, что на том же фестивале демонстрировала датская команда Тима Фельдмана в интерактивном (в духе Форсайта) перформансе Wilda. Те же выламывания и закручивания тела по спирали, те же вывихи в суставах; те же выбросы эмоций через тексты в эстрадный микрофон. Наконец та же мультимедийность — с экранами и возникающими на них текстами. Та же апелляция к живому звучанию живых инструментов (в перформансе участвовал литовский квартет Chordos). И все это для того, чтобы еще раз, но уже на сленге а-ля Форсайт и в прикиде Джимми Хендрикса прокричать миру заповеди детей-цветов.

Занятно, но дежавю. Чего не скажешь об «Амелии» Лока, где тоже есть экраны, девушка-вокалистка, микрофоны и четверо музыкантов, исполняющих на фортепиано, виолончели и скрипке минималистские тексты соавтора Лока, композитора Дэвида Ланга. Наконец — гуттаперчевые тела девяти танцовщиков, ломающиеся вопреки всем законам физики. Только Лок не сочиняет по колеческим манифестов и технику норовит скрыть. Скрепящая модерн-данс с балетом, компьютерные технологии с древнейшими балаганными, почти животную пластику танцоров с механическими движениями бесстрастных киборгов, он создает мир — нереальный, но достоверный, как страна каких-нибудь гуингнмов у Свифта.

Танцовщиков в «Амелии» и людьми-то не назывешь: четверо мужчин и пять жен-

равленный в медальон экран, на котором возникает изображение девушки — кибернетического существа и идеальной балерины: с осиной талией, восковым лицом и заторможенной странной пластикой. Явление этой виртуальной Барби после премьеры «Амелии» в Праге в разных странах (турне «Амелии» продлится до 2004 года и охватит более шестидесяти стран и городов) трактовали по-разному: немцы даже вспомнили мифическую балерину, которая мерещилась Гофману в «Песочном человеке».

По легенде Амелия — имя то ли трансвестита, то ли гермафродита (источники путаются в показаниях), которого Эдуард Лок знал в детстве. Так это или нет — неизвестно; но очевидно, что тема андрогина — навязчивая творческая идея Лока (вспомнить хотя бы название его раннего спектакля — «Процесс превращения бизнесмена в ангела»). Понятно и то, что не мы подсматриваем в микроскоп за чужаками, а Лок с бесстрастностью естественного испытателя фиксирует метаморфозы нашей цивилизации — все эти процессы превращения девочек в мальчиков, мальчиков в девочек, всех в месте — в двуполою и совершенную Амелию. Не случайно ближе к финалу мужчины и женщины словно меняются телами, а их тексты словно проникают друг в друга. Апофеозом этого симбиоза становится появление танцовщика, сверлящего сцену пуантами, и балерины в мужском костюме.

Кстати, 100-минутную «Амелию» — плод коллективных усилий пяти стран и семи структур (среди которых LG Arts Center в Сеуле, Theatre de la Ville в Париже, монреальский Highlights Festival, Het Musiktheater в Амстердаме) — Эдуард Лок и его артисты создавали восемнадцать месяцев: хватило бы, как написали в одной из газет, на две беременности.

280